

УДК 78
ББК 85.31

Князева Жанна Викторовна

Доктор искусствоведения, ведущий научный сотрудник, Российский институт истории искусств, 190000, Россия, Санкт-Петербург, Исаакиевская пл., 5
ORCID ID: 0000-0002-2192-8815
ResearcherID: KOC-7300-2024
jeanna.kniazeva@mail.ru

Ключевые слова: Гандшин, музыковедение, музыковедческое образование, «Музыкальный университет», базельский музыковедческий семинар

Князева Жанна Викторовна

Жак Гандшин о музыковедении. Наука и образование*

* Материалы данного исследования были представлены в виде доклада на конференции «Науки о музыке – жизнь и развитие идей. К 100-летию музыковедческого образования в России» (Российский институт истории искусств, Санкт-Петербург, 6 июня 2023 года).

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

DOI: 10.51678/2226-0072-2024-3-428-451

Для цит.: Князева Ж.В. Жак Гандшин о музыковедении. Наука и образование // *Художественная культура*. 2024. № 3. С. 428–451. <https://doi.org/10.51678/2226-0072-2024-3-428-451>.

For cit.: Kniazeva J.V. Jacques Handschin on Musicology. Science and Education. *Hudozhestvennaya kul'tura* [Art & Culture Studies], 2024, no. 3, pp. 428–451. <https://doi.org/10.51678/2226-0072-2024-3-428-451>. (In Russian)

Kniazeva Jeanna V.

D.Sc. (in Art History), Leading Researcher, Russian Institute of Art History, 5 Isaakiyevskaya Sq., St. Petersburg, 190000, Russia
ORCID ID: 0000-0002-2192-8815
ResearcherID: KOC-7300-2024
jeanna.kniazeva@mail.ru

Keywords: Handschin, musicology, musicology education, 'University of Music', Basel Musicology Seminar

Kniazeva Jeanna V.

Jacques Handschin on Musicology. Science and Education

Аннотация. Статья предлагает материалы, связанные с педагогической деятельностью выдающегося российско-швейцарского музыковеда и органиста Жака (Якова Яковлевича) Гандшина (Handschin; 1886, Москва — 1955, Базель). На примере двух публикаций, относящихся к принципиально разным периодам творчества ученого, а также ряда дополнительных материалов (среди которых корреспонденция) рассмотрены особенности его работы с учениками, а также взгляды на музыковедение как чистую (фундаментальную) науку — и как учебную дисциплину в системах высшего образования Швейцарии и России. В контексте современного гандшиноведения данное исследование — первое, обращенное к педагогическим взглядам и убеждениям ученого. Помимо материалов двух анализируемых статей (фрагменты которых впервые представлены в переводе на русский язык), в научный оборот вводится ряд эпистолярных источников по истории академического музыковедения XX века.

Abstract. The article presents materials related to the pedagogical activities of the prominent Russian-Swiss musicologist and organist Jacques (Yakov Yakovlevich) Handschin (1886, Moscow — 1955, Basel). Based on the example of two articles related to different periods of the scholar's work and a number of additional materials (including epistolary sources), the author of the article examines the specifics of his work with his students, as well as his views on musicology as a pure (fundamental) science and as an academic discipline in the systems of higher education in Switzerland and Russia. In the context of modern Handschin-research, this study is the first to address the scholar's pedagogical views and beliefs. In addition to the materials of the two analysed articles (the fragments of which are presented in Russian translation for the first time), it introduces a range of epistolary sources on the history of academic musicology of the 20th century.

Введение

Статья представляет вниманию заинтересованного читателя продолжение современных «гандшиноведческих штудий» — изучения деятельности выдающегося российско-швейцарского музыковеда и органиста Жака Самюэля (Якова Яковлевича) Гандшина (Хандшин, Handschin; 1886, Москва — 1955, Базель)⁽¹⁾. Одним из аспектов этих работ является исследование вопроса о том, какими путями научной мысли (и с какими последствиями для международной науки) этот ученый и музыкант, сформировавшийся в немалой степени на культурной почве Петербурга и Москвы 1910-х годов, стал столь значителен в западном академическом музыкознании второй четверти XX века, эпоху, критически важную в истории: годы до, в период и после Второй мировой войны. Наряду с научным и исполнительским творчеством, возможности влияния открывала ему педагогическая деятельность⁽²⁾.

Гандшин начал преподавать еще в 1907 году в Москве, где обучал сольфеджио девочек младших классов гимназии св. Петра и Павла. Затем, с начала 1909 по весну 1920 года, он руководил органом классом Петербургской консерватории⁽³⁾. А после отъезда из советской России и защиты двух диссертаций (кандидатской в 1921 году и докторской в 1924 году в Базеле) преподавал музыковедение в Базельском университете, где сначала был внештатным преподавателем, с 1930 года — приват-доцентом, а в 1935 году занял пост руководителя (ординариуса) базельского музыковедческого семинара (сегодня мы называем его музыковедческим институтом). На этом посту Гандшин стал преемником знаменитого Карла Нефа (Nef; 1873–1935). Двадцать лет его руководства семинаром современные нам швейцарские музыковеды называют «эрой Гандшина» [Kirnbauer, Zimmermann, 2000, S. 325].

Но хотя Гандшин преподавал всю жизнь, педагогом он был, судя по сохранившимся свидетельствам, своеобразным. Учиться у него могли не все. Пребывая в непрестанных творческих поисках — сначала как концертный органист-виртуоз, затем как исследователь — Гандшин был вечно погружен в себя: «рассеянный профессор» (zerstreuter Professor, нем.) — эпитет, который часто адресовали ему современники (о чем автор этих строк неоднократно слышала от его бывших учеников). Рудольф Штефан (Stephan; берлинский музыковед старшего для нас поколения) лишь сокрушенно качал головой: «Гандшин был „никакой“ педагог...»⁽⁴⁾. Упрек ученому в исключительной «занятости собой» в ущерб вниманию к студентам прозвучал и от его оппонентов во время дискуссии 1935 года при выборе базельского ординариуса [Князева, 2023, июнь, с. 371–373].

Прояснить, насколько это соответствовало действительности, помогают сохранившиеся (главным образом как устный жанр) воспоминания тогдашних студентов музыковедческого семинара — рассказы, ставшие частью знаменитых «анекдотов про Гандшина», по сей день бродящих в немецко-швейцарских музыковедческих кругах⁽⁵⁾. Судя по этим свидетельствам, ученый на лекциях говорил тихо, словно побуждая к себе прислушиваться. Он мог неожиданно перейти на французский язык (которым владел как третьим родным, наряду с немецким и русским), а мог и вовсе позабыть о студентах, погрузившись во вдруг посетившую его научную мысль. (Студенты при этом хранили тишину и благоговейно ждали, пока профессор вспомнит об их присутствии.) При личном руководстве диссертациями Гандшин предъявлял к ученику максимально высокие требования; прежде всего это касалось тщательности работы с источником, корректности анализа. Некоторые расценивали его замечания как формальные придирки. Еще в Петербурге строгостью Гандшина-педагога возмущался молодой С.С. Прокофьев (посещавший непродолжительное время его органной класс) и называл профессора «этот швейцарский

- (1) Укажу (в хронологическом порядке) лишь несколько важнейших публикаций международного гандшиноведения (Handschinforschung) после 2000 года: [Maier, 2000], [Kniazeva, 2011], [Maier, 2018], [Князева, 2019], [Князева, 2023, декабрь], [Буссе Бергер, 2023].
- (2) Прежде автору этих строк уже доводилось касаться вопросов, связанных с педагогической деятельностью Гандшина, рассматривая их в контексте иной проблематики; см.: [Князева, 2018; Князева, 2019].
- (3) Подробнее о российском периоде жизни Гандшина см.: [Kniazeva, 2011, S. 36–244].

- (4) Встреча и разговор автора этих строк с профессором Рудольфом Штефаном (1925–2019) состоялась в 2015 году в Берлине.
- (5) Эти рассказы частично зафиксированы в воспоминаниях базельского историка, бывшего ученика Гандшина Марка Зибера, написанных по просьбе автора этих строк [Зибер, 2012].

формалист» [Ахонен, 2016, с. 258]. Иначе осмыслял свой опыт общения с Гандшиным Пауль Захер (Sacher; в последующем знаменитый дирижер, меценат, основатель знаменитого базельского фонда); он обучался у Гандшина собственно музыковедению и в свои зрелые годы писал о встрече с ним как с «мыслителем и исследователем Божьей милостью» [Erni, 1999, S. 22].

Несмотря на сложности обучения у Гандшина, и в Петербурге, и позже в Швейцарии находились те, кому это испытание оказывалось по силам. В российской столице к преданным ученикам Гандшина относился Николай Карлович Ванадзинь (ставший затем его преемником на посту руководителя органом классом Петроградской консерватории). В Базеле таковыми были Карл Алан Моберг (Moberg; будущий основатель академического музыковедения в Швеции) и упомянутый выше Пауль Захер. А вот талантливейший, но «строптивый» Манфред Букофцер (Bukofzer) с профессором не поладил⁽⁶⁾. Это же относится ко всему базельскому кругу прежних учеников Карла Нефа, перешедших к Гандшину «по наследству», при вступлении его в ординариат, — они Гандшина терпеть не могли...

Занимаясь долгие годы преподаванием, Гандшин представил свои размышления об этой сфере деятельности в ряде статей. В настоящей публикации мы обратимся только к двум из них. Первая относится к ранним швейцарским годам ученого, когда Гандшин, лишь недавно приехав из революционной России, спешил рассказать западному читателю о последних событиях в Петрограде и Москве. Это статья *Musikalisches aus Russland* («Музыкальные новости из России» [Handschin, 1920], [Gedenkschrift, 1957, S. 263–274]). Вторая работа — инаугурационная речь при вступлении в должность базельского ординариуса, произнесенная Гандшиным в 1935 году и напечатанная чуть позже под названием *Über das Studium der Musikwissenschaft* («Об изучении музыковедения» [Handschin, 1936], [Gedenkschrift, 1957, S. 38–50]). Этот корпус дополнен опубликованными материалами (тезисами) лекций Гандшина в Петроградской консерватории 1919 года, а также рядом эпистолярных источников.

(6) Об истории взаимоотношений Гандшина с Букофцером подробнее см.: [Князева, 2019, с. 173–184].

Музыкальный университет и «непедагогические» лекции

Обращаясь к первому тексту, напомним, что в России 1918–1919 годов Гандшин оказался вовлечен в работу Наркомпроса, в деятельность его Музыкального отдела под руководством Артура Лурье⁽⁷⁾. Масштаб этой работы задумывался грандиозным, охватывающим всю страну. Одним из направлений стала тогда попытка унификации, объединения в единой системе всей музыкально-педагогической жизни советской России — так называемый «Музыкальный университет» [об этом см.: Вульфийус, 1969]. Приведу пространную цитату из статьи Гандшина, — тот ее фрагмент, где он описывает данные события⁽⁸⁾:

... Зимой 1918/19 года (если не ошибаюсь, в декабре) Лурье созвал две параллельные комиссии музыкантов-педагогов — одну в Москве, другую в Петербурге — и представил им грандиозный план реформ... План предусматривает полную унификацию всего музыкального образования. «Музыкальный университет», под которым понимается (лексически верно) совокупность всех рассеянных по стране музыкальных образовательных учреждений; (университет) делится, с одной стороны, по вертикали (на факультеты), с другой, по горизонтали (на три ступени). Каждый факультет подчинен своему декану, во главе университета стоит коллегия. <...>

В обеих комиссиях — петербургской и московской — трактовали этот план очень по-разному. <...>

Чтобы прийти к соглашению между двумя комиссиями, Лурье созвал осенью 1919 года конференцию их обеих; первоначально она должна была состояться в Петербурге, однако затем из-за ситуации с продовольствием ее перенесли в Москву. <...>

Чего-либо большего, чем установление общих положений, в Москве не достигли; сверху двухсторонних факультетских программ перенесли на вторую конференцию, однако она не состоялась, и весь, в сущности, интересный и гармоничный план повис в воздухе. На этой конференции я поддерживал план и был несколько удивлен, что не сделали ничего, дабы приблизить его реализацию. Однако, нужно сказать, что государственные музыкальные органы вряд ли располагали силами для практической реализации столь грандиозного мероприятия. <...> Кроме того, обстановка становилась все более неблагоприятной; войны не прекращались, и материальные трудности возрастали. В любом

(7) Подробнее о сотрудничестве Гандшина с Наркомпросом см. раздел «Как органист стал организатором»: [Князева, 2011, с. 43–55].

(8) Здесь и далее все переводы выполнены автором статьи.

случае, общие положения плана реформ — так, как их приняли в Москве, — остаются достойным внимания опытом, к которому в более спокойные времена в какой-либо стране, возможно, смогут вернуться. <...> [Gedenkschrift, 1957, S. 268–269].

Не исключено, что в более поздние и спокойные времена — в Швейцарии — и сам Гандшин, размышляя о системе музыковедческого образования, будет возвращаться мыслью к раннесоветской идее Музыкального университета. (Ведь задуманная строгая централизованность этой институции оптимально подошла бы для попытки синтезировать на ее высших ступенях деятельность крупных государственных структур, таких как консерватория и академия наук, — то, о чем много позже будет размышлять Гандшин и к чему мы обратимся ниже в данной статье.) Но теперь мы последуем за ним его петроградскими путями 1919 года. На берегах Невы Гандшина ожидало тогда сотрудничество в Академическом подотделе Музыкального отдела Наркомпроса, — Лурье назначил его руководителем Научно-теоретической секции. Секция работала в одном из помещений Института истории искусств на Исаакиевской площади (здесь располагалась акустическая лаборатория под руководством профессора В.И. Коваленкова⁽⁹⁾) и в Петроградской консерватории, где весной и летом этого года в Малом зале Гандшин прочел два курса лекций «По истории органа и органной литературы».

Текст лекций (точнее, их конспект) был опубликован в журнале Научно-теоретического подотдела, выходящим под редакцией самого Гандшина [Отчет о лекциях, 1921]⁽¹⁰⁾. Из этой публикации видно, что в своих лекциях Гандшин знакомил публику с «научной сенсацией», «открытием» Арнольда Шеринга в области старинной музыки, согласно которому почти вся старинная музыка — органная. (Историки-музыковеды уже скоро опровергли эту весьма своеобразную гипотезу [Leech-Wilkinson, 2022, p. 44–47].) Гандшин (тогда молодой органист) был явно увлечен идеей Шеринга, стремился подтвердить и развить ее. Текст его публикации отчетливо показывает, что уже в этих ранних лекциях — одной из самых первых у Гандшина по-

(9) О сотрудничестве Гандшина с В.И. Коваленковым см.: [Князева, Михайлов, 2011].

(10) Анализ этой публикации Гандшина, представившей тезисы его первой, впоследствии утраченной при переезде из России в Швейцарию, диссертации, см.: [Князева, 2011, с. 62–71].

пыткок собственно научной музыковедческой работы — отчетливо проступает его столь характерный впоследствии стиль: он занят своим ходом мысли, т.е. увлекшим его предметом и собственным исследованием этого предмета, и не стремится особо что-либо «педагогически объяснять». Однако эта «занятость собой» здесь такова и выражена именно в той степени, в какой каждый научно мыслящий и работающий в этой сфере человек занят своей мыслью в момент ее интенсивного разворачивания. А у Гандшина мысль постоянно была интенсивной, он так жил, и с годами это качество только нарастало. (Отсюда и упомянутые странности ученого, и «выпадения» из процесса преподавания на лекциях в Базеле.) И это не есть ограниченность собственной персоной (или даже «безумие», как позже скажет Манфред Букофцер [Князева, 2019, с. 181]). Исследователь устремлен к пространству открывающегося ему научного ландшафта, и у него все меньше возможности, времени (да и желания) «отвлекаться на объяснения». (Вероятно, он полагал, что тот, у кого есть потребность и хватает ума, его и так поймет.) Мы видим, что уже самые ранние, петроградские, опыты Гандшина в сфере музыкознания посвящены чистой (фундаментальной) науке — точнее, устремлению молодого и пока неискушенного исследователя к ней.

«Достоинство сложного предмета...»

А теперь совершим «прыжок» во времени и пространстве — и переместимся в Швейцарию середины 1930-х годов. От первых шагов новичка в науке мы попадаем в один из самых торжественных моментов в жизни Гандшина-ученого: на его инаугурацию в Базеле в 1935 году. Гандшин принимает наследие знаменитого Карла Нефа, руководство основанного им базельского музыковедческого семинара.

Гандшину было непросто получить эту высокую должность: по характерному стечению обстоятельств все местные музыковеды выступили против него. Однако высокая международная репутация ученого оказалась решающей⁽¹¹⁾. Свою инаугурационную речь

(11) Подробнее об этой ситуации, ее причинах и следствиях см.: [Князева, 2023, июнь, с. 371–374].

Гандшин годом позже опубликовал в виде статьи *Über das Studium der Musikwissenschaft* («Об изучении музыковедения» [Handschin, 1936]). А еще позднее в одной из частных переписок он вспоминал о недоброжелательной реакции базельских коллег, которые не могли простить новому руководителю его победы [Handschin — Carl-Allan Mober, 1949]. Но что именно не устроило базельских музыковедов в инаугурационном выступлении Гандшина?

Спустя годы статья «Об изучении музыковедения» войдет в *Gedenkschrift* — сборник памяти ученого [Gedenkschrift, 1957, S. 38–50]. То есть Ханс Эш (редактор-составитель издания, ученик Гандшина) отнесет ее к публикациям, наиболее характерным для его творческого наследия. Действительно, вступая в должность ординариуса, Гандшин формулирует в торжественный момент свои цели и задачи на высоком посту (который ему, волей судьбы, предстоит занимать до конца жизни). Однако примечательным образом, хотя статья и называется «Об изучении...» (*Über das Studium...*), в центре ее внимания стоит точно не образование. От него — университетского музыковедческого образования — Гандшин дистанцируется уже в первых строках работы:

К сожалению, я должен сразу принести извинения: собственно говоря, сам я не изучал музыковедение. В студенческие годы я занимался совершенно другими науками. <...> Так что мне следует считать себя автодидактом... Поэтому я говорю как сторонний человек, а не тот, кто с самого начала был погружен в предмет [Gedenkschrift, 1957, S. 38–39].

Гандшин называет себя *Aussenseiter*, человек «со стороны» (находя в этом, характерным для себя образом, плюсы, а именно — дистанцию, открывающую возможность «объективного взгляда» на предмет⁽¹²⁾). Тем самым он сообщает, что лично не участвовал в традиции обучения, передачи знаний в сфере музыковедения. Однако теперь обстоятельства таковы, что он поставлен руководить одним из важнейших на тот момент музыковедческих семинаров Европы⁽¹³⁾. То есть он должен непосредственно принять участие в этой самой традиции, причем

(12) Объективность научного взгляда — одна из сквозных тем у Гандшина-историка. Генезис и содержание этого понятия у него непросты [подробнее см.: Maier, 2000, S. 11]), чувство «дистанции к предмету» — один из его компонентов.

(13) О роли базельского музыковедческого семинара для международного музыкознания 1930–1940-х годов см.: [Князева, 2019, с. 164].

формирующим для нее образом. Гандшин размышляет о вверенном его попечению предмете, его положении и возможностях в университетах (прежде всего, речь о швейцарских немецкоязычных).

Традиционно *Forschung & Lehre* / «Исследование и обучение» — девиз немецких (шире, немецкоязычных) университетов⁽¹⁴⁾. Не цитируя сам девиз (возможно, в 1935 году он еще не был сформулирован), Гандшин отчетливо апеллирует к этой связке и начинает с ее первого компонента: *Forschung*, он же *Wissenschaft* (наука). Ученый рассматривает пары возникающих соотношений. Он пишет о нередко встречающемся противопоставлении науки, представляемой как ненужная «мертвая материя», — и «живящего духа» (*Wissenschaft vs belebenden Geist*) и комментирует:

...Признаюсь, я этого совсем не понимаю. Для меня наука и есть сфера жизни и сфера духа. Лишь только она представляет нечто мертвое или бездуховное, она уже *не есть* наука [курсив Гандшина. — Ж.К.] [Gedenkschrift, 1957, S. 39].

Другая пара, напротив, строится на спутывании двух понятий: «наука» и «знание» (*Wissenschaft vs Wissen*). Ученый пишет, что многознание не есть наука, а ученый — «не ящик с информацией...»: «[знание] — лишь предпосылка [для научного творчества]» [Gedenkschrift, 1957, S. 39]. Гандшина-органиста крайне занимает взаимодействие науки и музыкальной практики, возможное расхождение их путей (*Wissenschaft vs Aufführungspraxis*):

...Постоянно устремляясь вперед, музыковедение развивалось; однако оно шло и дальше, расширяясь на те области, куда исполнительская практика, возможно, никогда не сможет за ним последовать, области, которые, таким образом, совершенно излишни с точки зрения исполнительства, но тем не менее важны для науки [Gedenkschrift, 1957, S. 41–42].

Это наблюдение — ответ оппонентам в поднимавшейся тогда дискуссии об «артистах» и «археологах» (по выражению противников Гандшина): о внутренней логике научной мысли — смысле и значимости изучения того, что не может быть исполнено современными музыкантами⁽¹⁵⁾.

(14) Именно так называется сегодня сайт-форум Союза высших школ Германии — *Deutscher Hochschulverband*. URL: <https://www.hochschulverband.de/leistungen/forschung-lehre> (дата обращения 07.03.2024).

(15) Подробнее об этой дискуссии см.: [Князева, 2023, декабрь, с. 755–759].

В размышлении о собственно науке Гандшин пишет о ее времени и пространстве — о временном и структурном аспектах современного ему академического музыкознания. Ученый подчеркивает историческую обусловленность научной мысли («...достижения ученого следует оценивать с точки зрения времени, которому он принадлежит» [Gedenkschrift, 1957, S. 43]), рассматривает динамичное расширение круга дисциплин, входящих в состав музыковедения, и последствия этого расширения:

...Ясно, что, если мы хотим, чтобы наша работа была такого же качества, как, например, романское языкознание, и при этом [имеем] значительно более широкую сферу [исследования] — поскольку реально музыка каждой культурной области является самостоятельным языком — мы должны напрягать все силы, чтобы хоть в какой-то степени справиться с задачей [Gedenkschrift, 1957, S. 45].

Из хода изложения и формулировок отчетливо следует, что, говоря о науке, Гандшин имеет в виду академическую фундаментальную науку: это есть для него собственно наука — *die Wissenschaft* в его терминологии [курсив наш. — Ж.К.] — сфера высокого духовного деяния, устремленного к Абсолютному, направленного в область идеального. (Что касается прикладных аспектов науки, то одним из таковых для Гандшина является, похоже, сам исследователь — человек с его земной ограниченностью, обусловленностью — всем тем, что Гандшин не желает принимать в расчет: «регулирование практических вопросов» — мастерство, невладение которым ему как-то поставил в упрек Пауль Захер, — его попросту не интересует [Князева, 2019, с. 179, 183–184]).

Гандшин неспешен и обстоятелен в изложении своих размышлений о науке. Лишь на восьмой из тринадцати страниц статьи он замечает: «Могут спросить, — ну и что все это значит для музыковедения в *университете* [курсив Гандшина. — Ж.К.]?» [Gedenkschrift, 1957, S. 45] — то есть для *изучения* музыковедения в системе высшего образования (что, собственно, заявлено в заглавии статьи как ее основная тема). По мысли Гандшина, поиск ответа на этот вопрос ведет не к готовому решению, но к проблеме, которую в каждом конкретном случае только предстоит решить. Ведь университетская наука, как он пишет, не есть *die Wissenschaft*. Она неизбежно вынуждена делать акцент на обучении (*Lehre*, втором звене университетского девиза), хотя и устремлена к фундаментальной науке (что для Гандшина само

собой разумеется: «...настоящий семинар всегда будет развиваться в сторону исследования» [Gedenkschrift, 1957, S. 44]). Главный вопрос музыковедческого образования, в его понимании, это именно вопрос о пути этого устремления и способах влияния на него.

Ученый размышляет о трудностях и возможных разочарованиях, поджидающих молодого исследователя на этом пути, в сфере фундаментальной науки — и его взгляд здесь тоже по-своему фундаментален. Изложив свое понимание высоты и сложности предмета, он обращается «к брэнному»: «Все это еще осложняется материальными соображениями; ведь чем может заниматься в жизни человек, получивший степень по музыковедению? Примерно ничем...» — пишет Гандшин и затем словно отговаривает молодых исследователей от изучения этой науки — размышляет о том, что избранное как основная специальность, как будущая профессия, музыковедение не принесет молодому исследователю в жизни необходимых средств к существованию. Поэтому Гандшин рекомендует изучать эту науку как побочную специальность, как *Nebenfach* (в отличие от *Hauptfach*, основной дисциплины) [Gedenkschrift, 1957, S. 48–49]⁽¹⁶⁾. Смысл же преподавания (то есть рекомендация, которую он обращает уже к самим педагогам) состоит в оказании учащемуся помощи, необходимой для преодоления великого множества трудностей. При этом картина открывающегося пути каждый раз вычерчивается индивидуально, зависит отчасти от руководителя — но прежде всего от самого учащегося, который, как подчеркивает Гандшин, в университете уже взрослый человек и вправе многое определять сам. Однако цель этого пути всегда одна, неизменная — высокая наука, *die Wissenschaft*.

Спустя тринадцать лет после публикации этой статьи, в упомянутом выше письме 1949 года К.-А. Мобергу, Гандшин писал о негативной реакции базельских коллег на свое инаугурационное выступление: «...подобные вещи досадно напоминают мне о том, как я сменил Нефа, и многие были оскорблены тем, что я подчеркнул

(16) Возможно, помимо стремления побережь молодежь (которую, действительно, могли увлечь высота и благородство представленной им науки) от болезненных разочарований, в этих размышлениях отразилась иная сторона натуры и самого Гандшина: поднимаясь к предельным высотам научной мысли, он неизменно крепко держал в руках профессию музыканта-практика.

достоинство [Würde — нем.] более сложного предмета» [Handschin — Carl-Allan Mober, 1949].

После кончины выдающегося Карла Нефа базельское музыковедение сосредоточилось на изучении локальной традиции⁽¹⁷⁾. Речь Гандшина («не здешнего», приехавшего когда-то в Швейцарию из далекой России) уязвила коллег, ведь он невольно дал им почувствовать всю ограниченность их «местечкового уюта». Вступая в должность руководителя базельского семинара, Гандшин заговорил о музыковедении как науке, обращенной к универсальным высотам академического знания, подчеркнул честь и благородство занятий столь сложной сферой научной мысли⁽¹⁸⁾.

Изучение истории базельского музыковедения показывает, что сам Гандшин в дальнейшем именно так и вел свой семинар на протяжении всех двадцати лет руководства им. Он ориентировал студентов на высочайшие стандарты мировой фундаментальной науки, знакомил с ее достижениями. Гандшин поддерживал международное научное сотрудничество даже в самые сложные времена: он приглашал для выступлений в семинаре своих коллег-ученых из разных стран, в том числе представителей враждующих сторон в годы мирового военного конфликта; нейтральная Швейцария предоставляла тому уникальные возможности. Имея опыт переживания русской революции и раскола Европы, Гандшин, как мало кто иной, понимал, что подлинная наука, *die Wissenschaft*, может быть только интернациональной.

Требования Гандшина к работе студентов были соответствующими. В одной из прежних публикаций автору этих строк уже доводилось цитировать данные, приводимые швейцарской исследовательницей Хайди Циммерманн: в семинаре Гандшина «лишь полдюжины диссертаций дошли до защиты, в то время как у Курта [в Берне. — Ж.К.] примерно за то же время состоялась 21 кандидатская защита, у Шербюлье [в Цюрихе — Ж.К.] 27». Циммерманн называет это «научной элитарностью» Гандшина

[Zimmermann, 2004, S. 140]. Наряду с воспитательно-педагогическими убеждениями ученого (побуждавшего учеников неустанно стремиться к высшему), эти цифры отражают его борьбу за науку, ее критерии. Взятая же в контексте 1930–1940-х годов «элитарность» ученого стала его противодействием стремительно распространявшейся тогда политизации гуманитарного знания, грозившей снести любые критерии научности вообще [подробнее см.: Майер, 2018].

А еще — это борьба за социальный статус науки. Ведь девальвация научных степеней, которую Гандшин наблюдал уже в 1935 году⁽¹⁹⁾, по его убеждению, дискредитировала в глазах широкой общественности интеллектуальный труд как таковой. Приведу целиком этот почти трогательный пассаж из инаугурационной речи Гандшина:

Сегодняшней девальвации научных степеней можно противостоять только путем восстановления всеобщего уважения к тем достижениям, что стоят за ними, — а противостоять этому *должно*, поскольку девальвация научных степеней есть в глазах *народа* также и девальвация интеллектуального труда [курсив Гандшина. — Ж.К.] [Gedenkschrift, 1957, S. 46].

«Рассеянный профессор» Гандшин, как мы видим, отнюдь не был безразличен к мнению людей («народа») о сфере деятельности и качестве работы интеллектуалов.

Не все учащиеся выдерживали требования строгого профессора. Вальтер Неф (племянник и прежний ученик Карла Нефа) с крайней неприязнью вспоминал о язвительной улыбке Гандшина, с какой тот возвращал ученику очередной не устроивший его вариант работы [Walter Nef — Paul Sacher, 1952]. Другие просто не понимали; Манфред Букофцер называл методы строгого профессора «сомнительными»⁽²⁰⁾. Однако, даже не встречая отклика со стороны учеников, Гандшин своими усилиями способствовал росту их профессионализма — и тем

(17) Подробнее о сложностях взаимодействия базельского музыковедения середины 1930-х с интернациональной наукой см.: [Князева, 2023, июнь, с. 374].

(18) Тот факт, что и спустя многие годы Гандшин вспоминал о столкновении с базельскими музыковедами, свидетельствует о серьезности пережитого им в середине 1930-х годов и, возможно, не исчерпанного описанными выше событиями: «...Все это не теоретически, злобные люди мстят за это», — завершает Гандшин цитируемую выше реплику из письма Мобергу.

(19) В этом фрагменте статьи Гандшин вспоминает любимое им Средневековье и с улыбкой цитирует Гёте: «...как это в „Фаусте“? — „Вы же магистр, доктор даже“ [курсив Гандшина. — Ж.К.]»; он комментирует с сожалением: «...современный университет гораздо либеральнее в присуждении степеней, и поэтому тем меньше может вступить за своих выпускников...» [Gedenkschrift, 1957, S. 48]. (Гандшин цитирует Гёте по памяти; ориг.: «Heiße Magister, heiße Doktor gar...» — «Магистр и даже доктор я...»).

(20) Bukofzer — Bessler: 12.04.1951. Копия документа любезно предоставлена мне господином Йоргом Бюхлером (Университет Тюбингена, Германия).

самым влиял на общий уровень научной мысли: история того же Букофцера, — ставшего затем выдающимся американским музыковедом, оказавшим ощутимое влияние на англоязычную ветвь музыкознания в XX веке, — в этом смысле показательна [см. об этом: Князева, 2019].

Но для Гандшина вопрос не исчерпывался его собственными педагогическими устремлениями и стараниями (или страданиями) учеников. Оставалась еще проблема, заключенная в самой системе музыковедческого образования Швейцарии. Ведь наука о музыке имеет, помимо метода, роднящего ее с академическим историко-филологическим знанием, еще и отчетливую специфику: необходимость серьезного владения навыками практического музицирования. Для Гандшина (в «первой жизни» органиста) эта особенность в высшей степени важна. Статья 1936 года не поставила точку в его размышлениях о музыковедческом образовании. Спустя шесть лет, уже в разгар мировой войны он писал датскому коллеге Кнуду Йеппезену: «Оглядываясь на свое прошлое, я недавно пришел к выводу, что музыковедению лучше быть не в университете, где занятия музыкой неизбежно дилетантские, а в консерватории»⁽²¹⁾.

То есть Гандшин желает при обучении молодых музыковедов не только академической высоты научной мысли. Профессионализм музыканта, по его убеждению, также должен соответствовать высшим критериям, уровню консерваторского образования. Однако Швейцария не может предоставить такой возможности (по словам Гандшина, здесь просто нет соответствующих фондов [Gedenkschrift, 1957, S. 44]). Ученый всматривается в иные ландшафты, он оглядывается на свое прошлое. А оно связано с Россией. Гандшин завершает мысль в письме Йеппезену следующими словами: «Для меня не было бы ничего лучше, чем сочетание консерватории и академии наук, что, однако, в Швейцарии невозможно»⁽²²⁾.

Сведения о контактах Гандшина с советской Россией начиная со второй половины 1920-х годов пока минимальны⁽²³⁾. Тем не менее он точно знал, что музыковедение здесь изучается именно в консерватории (ведь так было еще в годы его работы в Петербурге). Знал он и об опыте работы Российского института истории искусств (в ранний советский период учебного, а затем научно-исследовательского института)⁽²⁴⁾. После упомянутого выше сотрудничества с располагавшейся в РИИИ музыкально-акустической лабораторией ученый не прервал отношений с институтом; более того, даже уехав из России, он числился здесь до конца 1920-х годов «внештатным корреспондентом»⁽²⁵⁾. Гандшин знал, что в его первом отечестве даже в очень тяжелые времена имелось понимание смысла существования и поддержки академического музыкознания. Российский идеализм мысли и действия близок Гандшину — и, возможно, именно российский опыт он имел в виду, когда писал Йеппезену о синтезе консерватории и академии наук. Позже, в статье *Musicologie et musique* («Музыковедение и музыка») — публикации еще одной речи ученого, его выступления на первом послевоенном конгрессе Международного музыковедческого общества (IMS) в Базеле 1949 года, Гандшин откроет свое обращение к коллегам размышлением о наименовании научной дисциплины и введет наряду с немецким понятием *Musikwissenschaft*, французским *musicologie* также и русское — «музыковедение», своеобразно транскрибировав его на латинице: *Mouzykowskédyényé* [Handschin, 1951]⁽²⁶⁾. Русскоязычное измерение входит в дефинируемый им терминологический ряд — пространство *имени* науки.

(21) Handschin — Jeppesen: Basel, 24. 04.1942(?). Копия документа любезно предоставлена мне господином Томасом Хольме Хансенем (Орхусский университет, Дания).

(22) Handschin — Knud Jeppesen: Basel, 24. 04.1942(?). Деятельность знаменитой базельской Schola Cantorum Basiliensis (SCB), своего рода академии старинной музыки, объединяющей высшее музыкально-исполнительское образование с научным исследованием академического уровня, на первый взгляд противоречит этому утверждению Гандшина. Однако принципы деятельности SCB 1930–1950-х годов совершенно не соответствовали его убеждениям. Подробнее о сложных взаимоотношениях Гандшина и SCB см.: [Kirnbauer, 2008].

(23) Его общение со многими российскими друзьями оборвалось уже в начале 1920-х годов. В архиве Гандшина (хранящемся в университете Вюрцбурга, Германия) обнаружены адресные записные книжки ученого, среди которых есть и та, что обозначена им как *Russland*; в ней — ряд адресов в Ленинграде и Москве. Предстоящее изучение этого источника даст возможность проанализировать возможный круг контактов Гандшина в советской России (хотя и не предоставит сведений о фактах общения).

(24) См. на сайте РИИИ: URL: <https://artcenter.ru/structure/ob-institute/> (дата обращения 29.02.2024); здесь представлена библиография по истории института (в разделе «Материалы к истории РИИИ»).

(25) Об истории отношений Гандшина с РИИИ см.: [Князева, 2011, с. 50–51].

(26) См. эту статью Гандшина: URL: https://www.musicologie.org/theses/handschin_01.html (дата обращения 05.03.2024).

Заключение

В эпистолярном наследии Гандшина найдено свидетельство, что в самые поздние годы ученый думал целиком обратиться к педагогике. Но отнюдь не музыковедческой. Летом 1952 года Гандшин писал выдающемуся американскому музыковеду Отто Кинкельдею о своем возможном отъезде в Америку:

Если это когда-нибудь случится, то я сейчас полагаю, что скорее предпочел бы давать в Америке уроки музыки (по органу, гармонии, контрапункту), чем заниматься музыковедением. Это стало бы в каком-то смысле возвращением в 1920 год, когда я приехал из России в Швейцарию и отказался от работы музыканта-практика в пользу музыковедения [Князева, 2022, с. 126–127].

Гандшин советуется с Кинкельдеем и тут же осмысляет истоки своего желания: отъезд в Америку как движение, обратное случившемуся, — некий «реверс» от точки поворота в 1920 году, — своего рода «возвращение в Россию». Сегодня мы знаем, что судьба не предоставит ему такой возможности⁽²⁷⁾.

Своеобразие личности и педагогического метода Гандшина имело следствием тот факт, что он не оставил школы (как круга учеников, следующих его идеалам, — у Гандшина таковых единицы). Однако выдающийся музыковед-мыслитель — Le grand Jacques, «великий Жак», как его по сей день нередко именуют в западных музыковедческих кругах, — до конца своих дней служивший высокой науке, оставил научное наследие, опыт мысли. Этот опыт сегодня весьма продуктивен, в том числе при обучении молодых музыковедов: «Гандшин — это всегда интересно!» — неоднократно слышала автор этих строк в немецких университетах. Размышление о педагогических принципах ученого тоже ведет нас к науке — приближает к его пониманию предмета, позволяет взглянуть в отдельные грани научного метода.

(27) Подробнее об этом, как и о переписке Гандшина с Кинкельдеем, см.: [Князева, 2022].

Источники:

- 1 Handschin — Carl-Allan Mober: 28.10.1949 // Stadtarchiv Uppsala. Nachlass C.-A. Moberg. Korrespondenz.
- 2 Walter Nef — Paul Sacher: Basel, den 14.01.1952 // Paul-Sacher-Stiftung (Basel). Korrespondenz.

Список литературы:

- 3 Ахонен А.Н. Прокофьев в Петербургской консерватории. СПб.: Композитор, 2016. 288 с. (Петербургский музыкальный архив; Вып. 14).
- 4 Буссе Бергер А.М. Жак Гандшин // Буссе Бергер А.М. Средневековая музыка и искусство памяти / Пер. с англ. М. Акимовой. СПб.: Библиороссика; Academic Studies Press, 2023. С. 64–81.
- 5 Вульфийус П.А. Советское музыкальное образование в 20-е годы // Из истории советского музыкального образования: Сборник материалов и документов: 1917–1927 / Сост. Л.А. Баренбойм и др. Ленинград: Музыка, 1969. С. 11–14.
- 6 Зибер М. Жак Гандшин / Пер. и публ. Ж.В. Князевой // Традиции органной школы Санкт-Петербургской консерватории: Избранные материалы конференций (2009, 2011) / С.-Петерб. гос. консерватория им. Н.А. Римского-Корсакова; кафедра органа и клавесина; ред.-сост. Ю.Н. Семенов, Т.М. Чаусова. СПб.: Издательство Политехнического университета, 2012. С. 45–48.
- 7 Князева Ж.В. Из истории одной исчезнувшей диссертации // Opera Musicologica. 2011. № 1 (7). С. 40–76.
- 8 Князева Ж.В. К истории нескольких несостоявшихся защит в Базеле. Из переписки Жака Гандшина с Густавом Ризом, Карлом-Алланом Мобергом, Хайнрихом Бесселером // Научный вестник Московской консерватории. 2018. № 2 (33). С. 66–81.
- 9 Князева Ж.В. Новые документы к истории европейско-американских диалогов послевоенного музыковедения. Лео Шраде, Жак Гандшин, Армен Карапетян // Новые документы по истории искусствознания: XX век. Вып. 2: 1940-е — 1960-е годы / Ред.-сост. Ж.В. Князева. СПб.: Петрополис, 2018. С. 41–86.
- 10 Князева Ж.В. Манфред Букофцер, Пауль Захер и базельский ординариат // Научный вестник Московской консерватории. 2019. № 4 (39). С. 162–193.
- 11 Князева Ж.В. «Русский мотив» в переписке Жака Гандшина и Отто Кинкельдей // Временник Зубовского института. 2022. Вып. 2 (37). С. 123–130.
- 12 Князева Ж.В. Жак Гандшин и первые послевоенные собрания Международного музыковедческого общества. По материалам переписки ученого // Научный вестник Московской консерватории. Том 14. Вып. 2 (июнь 2023). С. 366–385. <https://doi.org/10.26176/moscons.v.2023.53.2.05>.
- 13 Князева Ж.В. Жак Гандшин и Международное музыковедческое общество. Несколько размышлений в связи с конгрессами 1920–1940-х годов // Научный вестник Московской

консерватории. Том 14. Вып. 4 (декабрь 2023). С. 750–771. <https://doi.org/10.26176/moscons.v.2023.55.4.05>.

- 14 Князева Ж.В., Михайлов А.А. Научное сотрудничество музыковеда Я.Я. Гандшина и физика В.И. Коваленкова: создание петроградской акустической лаборатории // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного Политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. 2011. № 2 (124). С. 124–129.
- 15 Майер Ф.М. Эрнст Роберт Курциус, Жак Гандшин и их книги 1948 года // Новые документы по истории искусствознания: XX век. Вып. 2: 1940-е – 1960-е годы / Ред.-сост. Ж.В. Князева. СПб.: Петрополис, 2018. С. 87–115.
- 16 Отчет о лекциях «Из истории органа и органной литературы», прочитанных Я[ковом] Гандшиным летом 1919 года // Музыкальный отдел Наркомпросса. Известия научно-теоретического подотдела. Вып. 2. Петроград, 1921. С. 55–86.
- 17 Erni J. Paul Sacher, Musiker und Mäzen. Aufzeichnungen und Notizen zu Leben und Werk. Basel: Schwabe, 1999. 215 S.
- 18 Gedenkschrift Jacques Handschin. Aufsätze und Bibliographie. / Hg. H. Oesch. Bern-Stuttgart: Verlag Paul Haupt, 1957. 397 S.
- 19 Handschin J. Musikalisches aus Russland // Basler Nachrichten. LXXVI Nr. 332, 333. 06.08.1920.
- 20 Handschin J. Über das Studium der Musikwissenschaft // Mitteilungen der Schweizerischen Musikforschenden Gesellschaft III. (1936). P. 15–18, 36–39.
- 21 Handschin J. Musicologie et musique // Kongress-Bericht: Internationale Gesellschaft der Musikwissenschaft Basel 1949. Bärenreiter, 1951. P. 9–22.
- 22 Kirnbauer M. «Tout le monde connaît la Schola» – eine Spurensuche zur Vorgeschichte der Schola Cantorum Basiliensis // Basler Jahrbuch für Historische Musikpraxis. 32. (2008). S. 145–157.
- 23 Kirnbauer M., Zimmermann H. Wissenschaft, in keimfreier Umgebung? Musikforschung in Basel 1900–1960 // Musikwissenschaft – eine verspätete Disziplin? Die akademische Musikforschung zwischen Fortschrittsglauben und Modernitätsverweigerung / Hg. von Anselm Gerhard. Stuttgart, Weimar, 2000. S. 321–346.
- 24 Kniazeva J. Jacques Handschin in Russland: Die neu aufgefundenen Texte / Hg. vom Musikwissenschaftlichen Institut der Universität Basel / Red. M. Kirnbauer und U. Mosch. Basel: Schwabe, 2011. 1045 S.
- 25 Leech-Wilkinson D. The Modern Invention of Medieval Music. Cambridge University Press, 2002. 335 p.
- 26 Maier F.M. Einleitung // Jacques Handschin. Über reine Harmonie und temperierte Tonleitern. Ausgewählte Schriften / Hg. F.M. Maier. Schliengen: Edition Argus, 2000. S. 7–43.
- 27 Zimmermann H. Musikwissenschaft unter neutralem Regime. Die Schweizer Situation in den 20er bis 40er Jahren // Musikforschung – Faschismus – Nationalsozialismus: Referate der Tagung Schloss Engers (8.–11. März 2000) / Hg. v. I. v. Foerster, Ch. Hust, Ch.–H. Mahling. Mainz: Are Musik Verlag, 2 unveränderte Auflage, 2004. S. 121–141.

Sources:

- 1 Handschin – Carl-Allan Mober: 28.10.1949. *Stadtarchiv Uppsala*, Nachlass C.-A. Moberg, Korrespondenz.
- 2 Walter Nef – Paul Sacher: Basel, den 14.01.1952. *Paul-Sacher-Stiftung* (Basel), Korrespondenz.

References:

- 3 Ahonen A.N. *Prokofiev v Peterburgskoi konservatorii* [Prokofiev at the St. Petersburg Conservatoire]. St. Petersburg, Kompositor Publ., 2016. 288 p. (Peterburgskii muzykal'nyi arkhiv; Vyp. 14 [St. Petersburg Music Archive; Issue 14]). (In Russian)
- 4 Busse Berger A.M. Zhak Gandshin [Jacques Handschin]. Busse Berger A.M. *Srednevekovaya muzyka i iskusstvo pamyati* [Medieval Music and the Art of Memory], transl. from English M. Akimova. St. Petersburg, Biblirossika Publ., Academic Studies Press Publ., 2023, pp. 64–81. (In Russian)
- 5 Vulfius P.A. Sovetskoe muzykal'noye obrazovaniye v 20-e gody [Soviet Musical Education in the 20s]. *Iz istorii sovetskogo muzykal'nogo obrazovaniya: Sbornik materialov i dokumentov: 1917–1927* [From the History of Soviet Musical Education: Collection of Materials and Documents: 1917–1927], comp. L.A. Barenboim et al. Leningrad, Muzyka Publ., 1969, pp. 11–14. (In Russian)
- 6 Siber M. Zhak Gandshin [Jacques Handschin], transl., publ. J.V. Knyazeva. *Traditsii organnoi shkoly Sankt-Peterburgskoi konservatorii: Izbrannyye materialy konferentsij (2009, 2011)* [Traditions of the Organ School of the St. Petersburg Conservatoire: Selected Materials of Conferences (2009, 2011)], N.A. Rimsky-Korsakov St. Petersburg State Conservatory, Department of Organ and Harpsichord, ed.-comp. Yu.N. Semenov, T.M. Chausova. St. Petersburg, Izdatel'stvo Politehnicheskogo universiteta Publ., 2012, pp. 45–48. (In Russian)
- 7 Kniazeva J.V. *Iz istorii odnoi izcheznvshei dissertatsii* [From the Story of One Disappeared Dissertation]. *Opera Musicologica*, 2011, no. 1 (7), pp. 40–76. (In Russian)
- 8 Kniazeva J.V. K istorii neskol'kikh nesostoyavshikhся zashchit v Basele. *Iz perepiski Zhaka Gandshina s Gustavom Rizom, Karlom-Allanom Mobergom, Hainrikhom Besselerom* [On the History of Some Failed Defences in Basel. From the Correspondence of Jacques Handschin with Gustav Rees, Karl-Allan Moberg, Heinrich Besseler]. *Nauchnyi vestnik Moskovskoi konservatorii*, 2018, no. 2 (33), pp. 66–81. (In Russian)
- 9 Kniazeva J.V. *Novyye dokumenty k istorii evropeisko-amerikanskikh dialogov poslevoyennogo muzykovedeniya*. Leo Schrade, Zhak Gandshin, Armen Karapetyan [New Documents to the History of European-American Dialogues in Postwar Musicology. Leo Schrade, Jacques Handschin, Armen Carapetyan]. *Novyye dokumenty po istorii iskusstvovznaniya: XX vek* [New Documents on the History of Art History: 20th Century]. Issue 2: 1940-e – 1960-e gody [1940s – 1960s], ed.-comp. J.V. Knyazeva. St. Petersburg, Petropolis Publ., 2018, pp. 41–86. (In Russian)
- 10 Kniazeva J.V. Manfred Bukoftser, Paul Zakher i baselskii ordinariat [Manfred Bukofzer, Paul Sacher and the Basel Ordinariate]. *Nauchnyi vestnik Moskovskoi konservatorii*, 2019, no. 4 (39), pp. 162–193. (In Russian)

- 11 Kniazeva J.V. "Russkii motiv" v perepiske Zhaka Gandshina i Otto Kinkeldei ["Russian Motif" in the Correspondence of Jacques Handschin and Otto Kinkeldei]. *Vremennik Zubovskogo instituta*, 2022, issue 2 (37), pp. 123–130. (In Russian)
- 12 Kniazeva J.V. Zhak Gandshin i pervyye poslevoennyye sobraniya Mezhdunarodnogo muzykovedcheskogo obshchestva. Po materialam perepiski uchenogo [Jacques Handschin and the First Post-war Meetings of the International Musicological Society. Based on the Correspondence of the Scholar]. *Nauchnyi vestnik Moskovskoi konservatorii*, vol. 14, issue 2 (2023, June), pp. 366–385. <https://doi.org/10.26176/mosconsv.2023.53.2.05>. (In Russian)
- 13 Kniazeva J.V. Zhak Gandshin i Mezhdunarodnoe muzykovedcheskoe obshchestvo. Neskol'ko razmyshlenii v svyazi s kongressami 1920–1940-kh godov [Jacques Handschin and the International Musicological Society. A Few Reflections on the Congresses of the 1920s and 1940s]. *Nauchnyi vestnik Moskovskoi konservatorii*, vol. 14, issue 4 (2023, December), pp. 750–771. (In Russian)
- 14 Kniazeva J.V., Mikhailov A.A. Nauchnoe sotrudnichestvo muzykoveda Ya. Ya. Gandshina i fizika V.I. Kovalenkova: sozdanie petrogradskoi akusticheskoi laboratorii [Scientific Cooperation between Musicologist J.J. Handschin and Physicist V.I. Kovalenkov: Foundation of the Petrograd Acoustic Laboratory]. *Nauchno-tekhnicheskie vedomosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo Politehnicheskogo universiteta. Gumanitarnye i obshchestvennyye nauki*, 2011, no. 2 (124), pp. 124–129. (In Russian)
- 15 Maier F.M. Ernst Robert Kurtsius, Zhak Gandshin i ikh knigi 1948 goda [Ernst Robert Curtius, Jacques Handschin and Their 1948 Books]. *Novyye dokumenty po istorii iskusstvovznaniya: XX vek* [New Documents on the History of Art History: 20th Century]. Issue 2: 1940-e – 1960-e gody [1940s-1960s], ed.-comp. J.V. Knyazeva. St. Petersburg, Petropolis Publ., 2018, pp. 87–115. (In Russian)
- 16 Otchet o lektsiyakh "Iz istorii organa i organnoi literatury", pročitannykh J[akovom] Gandshinyem letom 1919 goda [Report on the Lectures "From the History of the Organ and Organ Literature" Given by Ya[kov] Handschin in the Summer of 1919]. *Muszykal'nyi otdel Narkompressa. Izvestiya nauchno-teoreticheskogo podotdela* [Musical Department of the People's Commissariat of Education. Bulletin of the Scientific-theoretical Sub-department], issue 2. Petrograd, 1921, pp. 55–86. (In Russian)
- 17 Erni J. *Paul Sacher, Musiker und Mäzen. Aufzeichnungen und Notizen zu Leben und Werk*. Basel, Schwabe, 1999. 215 S.
- 18 *Gedenkschrift Jacques Handschin. Aufsätze und Bibliographie*, hg. H. Oesch. Bern-Stuttgart, Verlag Paul Haupt, 1957. 397 S.
- 19 Handschin J. Musikalisches aus Russland. *Basler Nachrichten*, LXXVI Nr. 332, 333, 06.08.1920.
- 20 Handschin J. Über das Studium der Musikwissenschaft. *Mitteilungen der Schweizerischen Musikforschenden Gesellschaft* III, 1936, pp. 15–18, 36–39.
- 21 Handschin J. Musicologie et musique. *Kongress-Bericht: Internationale Gesellschaft der Musikwissenschaft Basel 1949*. Bärenreiter, 1951, pp. 9–22.
- 22 Kirnbauer M. «Tout le monde connaît la Schola» – eine Spurensuche zur Vorgeschichte der Schola Cantorum Basiliensis. *Basler Jahrbuch für Historische Musikpraxis*, 32, 2008, S. 145–157.
- 23 Kirnbauer M., Zimmermann H. Wissenschaft, in keimfreier Umgebung? Musikforschung in Basel 1900–1960. *Musikwissenschaft – eine verspätete Disziplin? Die akademische Musikforschung zwischen Fortschrittsglauben und Modernitätsverweigerung*, hg. von A. Gerhard. Stuttgart, Weimar, 2000, S. 321–346.
- 24 Kniazeva J. *Jacques Handschin in Russland: Die neu aufgefundenen Texte*, hg. vom Musikwissenschaftlichen Institut der Universität Basel, red. M. Kirnbauer und U. Mosch. Basel, Schwabe, 2011. 1045 S.
- 25 Leech-Wilkinson D. *The Modern Invention of Medieval Music*. Cambridge University Press, 2002. 335 p.
- 26 Maier F.M. Einleitung. *Jacques Handschin. Über reine Harmonie und temperierte Tonleitern. Ausgewählte Schriften*, hg. F.M. Maier. Schliengen, Edition Argus, 2000, S. 7–43.
- 27 Zimmermann H. Musikwissenschaft unter neutralem Regime. Die Schweizer Situation in den 20er bis 40er Jahren. *Musikforschung – Faschismus – Nationalsozialismus: Referate der Tagung Schloss Engers (8.–11. März 2000)*, hg.v. I. v. Foerster, Ch. Hust, Ch.-H. Mahling. Mainz, Are Musik Verlag, 2 unveränderte Auflage, 2004, S. 121–141.